

УДК 341.7
ББК 67.408.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.307

Elets Elena Anatol'evna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Kuban State University,
Krasnodar,
e-mail: elena-elec@rambler.ru

Елец Елена Анатольевна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет,
Краснодар,
e-mail: elena-elec@rambler.ru

Knyazkina Anastasiya Konstantinovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Kuban State University,
Krasnodar,
e-mail: knyazkina_a@mail.ru

Князькина Анастасия Константиновна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет,
Краснодар,
e-mail: knyazkina_a@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)

SOME ISSUES OF STEALING QUALIFICATION (BASED ON THE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE)

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с квалификацией различных форм хищений. В частности, в работе рассмотрена проблема установления момента окончания хищения, имеющая не столько теоретическое, сколько прикладное значение, что обеспечивает возможность верной квалификации содеянного лицом. Кроме того, в статье анализируется проблема установления признаков, характеризующих субъективную сторону хищения, которое, по общему правилу, совершается с прямым умыслом и с корыстной целью (как это указывает законодатель), однако эти признаки не всегда верно устанавливаются правоприменителями. При этом указанный умысел должен возникнуть у лица до момента совершения преступления, однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда уголовные дела возбуждаются при отсутствии такового. Также зачастую возникает проблема отграничения получения взятки и коммерческого подкупа от мошенничества. Как ошибку в правоприменительной практике следует рассматривать и ситуации, когда мошенничество маскируется гражданско-правовыми отношениями. В данном случае необходимо выяснять наличие умысла именно на неправомерное завладение чужим имуществом, что может быть реализовано лишь верными следственными действиями.

В статье обобщены представлены статистические данные, характеризующие уровень хищений в общей структуре преступности, выявляются тенденции и закономерности развития данной группы посягательств.

Авторы, будучи не только преподавателями, но и практическими работниками, рассматривают заявленные вопросы, основываясь на конкретных примерах, имеющих место в правоприменительной практике, с которыми они лично сталкивались при осуществлении своей профессиональной деятельности, а также руководствуясь разъяснениями,

данными Верховным Судом РФ, применительно к конкретным формам хищения, анализируют существующие подходы к решению обозначенных проблем и предлагают конкретные варианты их решения. В заключении авторы приходят к выводу, что практические работники не всегда верно оценивают всю совокупность обстоятельств дела, а потому допускают неточности при уголовно-правовой оценке совершенных деяний.

The article examines some issues related to the qualification of various forms of theft. In particular, the paper deals with the problem of determining the end of the theft, which has not so much theoretical as applied value, which provides the possibility of correct qualification of the person. In addition, the article analyzes the problem of establishing features that characterize the subjective side of theft, which, as a rule, is committed with direct intent and with a selfish purpose (as indicated by the legislator), but these features are not always correctly established by law enforcement. In this case, the specified intent should occur before the crime commitment, but in law enforcement practice there are situations where criminal cases are initiated in the absence of such. Also often there is a problem of delimitation of receiving a bribe and commercial bribery from fraud. As a mistake in law enforcement practice should be considered and situations where fraud is masked by civil law relations. In this case, it is necessary to find out the presence of intent on the unlawful seizure of someone else's property, which can be implemented only by correct investigative actions.

The article presents extensive statistical data characterizing the level of theft in the overall structure of crime, identifies trends and patterns of development of this group of attacks.

The authors, being not only teachers, but also practical workers, consider the stated issues, based on specific examples available in law enforcement practice, which they personally

encountered in the implementation of their professional activities, as well as guided by the explanations given by the Supreme Court of the Russian Federation, in relation to specific forms of theft, analyze existing approaches to solving these problems and offer specific solutions. In conclusion, the authors conclude that practitioners do not always correctly assess the totality of the circumstances of the case, and therefore allow inaccuracies in the criminal-legal assessment of the committed acts.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, хищение, кража, мошенничество, растрата, присвоение, взятничество, коммерческий подкуп, взятка, преступления против собственности.

Keywords: criminal law, crime, stealing, theft, fraud, embezzlement, misappropriation, bribery, commercial bribery, bribe, crimes against property.

Введение

Проблемы квалификации хищений имеют непреходящее значение не только с научной, но в первую очередь с практической точки зрения, поскольку от правильной квалификации содеянного виновным в конечном итоге будет зависеть справедливость назначенного виновному наказания. Поэтому рассмотрение названных вопросов является весьма **актуальным**.

Заявленная проблема изучается большим числом исследователей, однако единого подхода к решению тех или иных вопросов квалификации хищений в науке и практике не выработано до сих пор, что стимулирует авторов к проведению все новых и новых исследований в данной области.

Потому рассмотрение заявленных вопросов, особенно с учетом использования конкретных примеров из правоприменительной практики, является весьма **целесообразным**.

Целью проводимого исследования является выявление существующих в теории и практике проблем, связанных с квалификацией различных форм хищений, а также выработка предложений по их преодолению. Реализации заявленной цели способствует решение следующих **задач**:

- проанализировать имеющиеся проблемы, возникающие в теории и практике, при квалификации различных форм хищений;

- разработать авторские рекомендации по улучшению правоприменительной практики, связанной с квалификацией хищений.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе рассматриваются вопросы, связанные с квалификацией различных форм хищений, с учетом конкретных материалов уголовных дел, в производстве по которым принимали участие авторы статьи, будучи не только научными, но и практическими работниками, что позволило сопоставить теоретические наработки с реальным правоприменением.

С учетом изложенного **теоретическая и практическая значимость** работы состоит в том, что предложенные авторами рекомендации по применению уголовного закона могут быть использованы практическими работниками при производстве по уголовным делам для более правильного применения уголовного закона. Также выводы и предложения, представленные в статье, могут применяться в учебном процессе и дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Основная часть

Проблем, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации хищений, довольно много.

Если проследить динамику данной группы преступлений, можно заметить, что хищения традиционно составляют примерно половину зарегистрированных преступлений, что подтверждают следующие данные.

В 2014 году их доля составила 45,3 %, из них хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи — 891,9 тыс. (–3,3 %), грабежа — 76,2 тыс. (–17,3%), разбоя — 14,2 тыс. (–13,7 %). Каждая четвертая кража (25,6 %), каждый двадцать второй грабеж (4,5 %), и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,6 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое двадцать восьмое (3,6 %) зарегистрированное преступление — квартирная кража. В январе – декабре 2014 г. их число сократилось на 10,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1].

В 2015 году 46 % зарегистрированных преступлений составили хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи — 996,5 тыс. (+11,7 %), грабежа — 71,1 тыс. (–6,7 %), разбоя — 13,4 тыс. (–5,2 %). Каждая четвертая кража (25,1 %), каждый двадцать второй грабеж (4,6 %) и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,9 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать второе (3,2 %) зарегистрированное преступление — квартирная кража. В январе – декабре 2015 г. их число сократилось на 3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2].

В 2016 году их доля составила 43,7 %, при этом путем: кражи — 871,1 тыс. (–14,5 %), грабежа — 61,5 тыс. (–15,4 %), разбоя — 11,4 тыс. (–16,3 %). Каждая четвертая кража (27 %), каждый двадцать первый грабеж (4,8 %) и каждое одиннадцатое разбойное нападение (9 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать первое (3,2 %) зарегистрированное преступление — квартирная кража. В январе – декабре 2016 г. их число уменьшилось на 11,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [3].

В 2017 году всего зарегистрировано 2 058 476 преступлений [4], половину всех зарегистрированных преступлений (52,4 %) составили хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, мошенничества, грабежа и разбоя; почти каждая третья кража и каждое десятое разбойное нападение были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [5].

По данным МВД РФ за январь — декабрь 2018 г., также половину всех зарегистрированных преступлений (51,7 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи — 756,4 тыс. (–4,1 %), мошенничества — 215,0 тыс. (–3,5 %), грабежа — 50,1 тыс. (–11,9 %), разбоя — 7,5 тыс. (–17,9 %). Почти каждая четвертая кража (24,7 %), каждый двадцать третий грабеж (4,3 %) и каждое девятое разбойное нападение (11 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать восьмое (2,6 %) зарегистрированное преступление — квартирная кража. В январе – декабре 2018 г. их число сократилось на 16 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [6].

Такая же тенденция сохраняется и в 2019 г. [7].

При том, что хищения, как видно из приведенных данных, традиционно занимают ведущее место в структуре преступности в России, вопросов, возникающих при их

квалификации и превращающих их в проблему нераскрытых преступлений или переводящих в категорию скрываемой латентности, не становится меньше.

Так, неоднозначный, проблемный характер квалификации мошенничества можно проследить, исходя из статистических данных количества возбужденных дел и дел, рассмотренных судами с вынесением обвинительного приговора.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. в Российской Федерации зарегистрировано фактов, содержащих признаки мошенничества, 222 772, из них предварительно расследовано 56 178, не раскрыто 133 159 [4].

В 2017 году в России осуждено за совершение мошенничества (по всем частям ст. 159 УК РФ) 17 797 человек, оправдано 83; осуждено к лишению свободы 6250 человек, условно 6 700, остальные осуждены к наказаниям, не связанным с лишением свободы [8].

Таким образом, погрешность в работе правоохранительных органов как минимум десятикратная, и это не рассматривая латентный характер данного преступления. Статистические данные заставляют обратить внимание на уголовно-правовые проблемы квалификации как возможный источник выявленной погрешности.

В качестве одной из таковых выступает проблема установления момента окончания хищения, имеющая не столько теоретическое, сколько прикладное значение, что обеспечивает возможность верной квалификации содеянного лицом. Именно поэтому Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях акцентирует внимание правоприменителя на критерии его определения. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [9] отмечается, что кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом). Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [10] мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

В основу здесь, как правило, положен субъективный критерий — осознание виновным факта возможности распорядиться имуществом по своему усмотрению [11, с. 81; 12, с. 243 и др.].

Кроме того, следует иметь в виду, что неудавшаяся попытка совершить хищение, а затем повторное совершение тех же действий, но уже увенчавшееся для преступника успехом, не образуют совокупности оконченного и неоконченного хищения [13, с. 44–45].

Так, Б. намеревался совершить тайное хищение чужого имущества — мобильного телефона У. С этой целью Б. подошел к У. и стал его похлопывать по всем карманам,

имитируя, что он принял его за своего знакомого. Однако У. попросил Б. отойти, потому совершить хищение не получилось с первого раза. Б. отошел, однако через некоторое время он опять вернуться к У., опять стал его похлопывать по карманам, вытащив, таким образом, мобильный телефон из нагрудного кармана У. незаметно для потерпевшего.

Как представляется, в такой ситуации ошибочно квалифицировать содеянное как покушение на кражу и как оконченную кражу, хотя такие подходы и встречаются в правоприменительной практике, поскольку умысел в данной ситуации единый. Первый случай нельзя рассматривать в отрыве от совершенного хищения, он, по сути, является не удавшимся попыткой совершения преступления, которая была доведена до конца при возникновении удобной ситуации. Поэтому содеянное надлежит квалифицировать как одно оконченное хищение, а не как покушение на хищение и хищение оконченное. Иное будет являться примером избыточной квалификации.

С субъективной стороны хищение, по общему правилу, совершается с прямым умыслом и с корыстной целью (как это указывает законодатель) [14, с. 256; 15, с. 158; 16, с. 33]. Соответственно, этот умысел должен возникнуть у лица до момента совершения преступления. Однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда уголовные дела возбуждаются при отсутствии такового.

Например, Ф. взял в долг денежные средства у О., намереваясь их возвратить, но не указывая конкретного периода, когда это произойдет. Через некоторое время О. начинает требовать у Ф. возврата долга. Ф. возвращает долг частично, говоря, что оставшуюся часть вернет в будущем. О., не удовлетворившись таким ответом, обращается в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела о мошенничестве. Через некоторое время Ф., не зная, что в производстве правоохранительных органов находится уголовное дело, возвращает оставшуюся часть денежных средств О. Таким образом очевидно, что умысел у Ф. на хищение денежных средств вообще отсутствовал. Однако факт невозврата долга в полном объеме был воспринят потерпевшим и правоприменителем как основание для квалификации содеянного как мошенничество.

В то же время, поскольку мошенничество не относится к категории дел частного обвинения, производство по уголовному делу прекращено быть не может. Кроме того, данное дело не может быть прекращено на основании ст. 76 УК РФ, поскольку сумма «похищенного» превышает 250 тыс. руб. Получается замкнутый круг: с одной стороны, невозможно доказать отсутствие умысла, с другой, денежные средства в полном объеме возвращены, потерпевший претензий не имеет. Однако правоприменитель упорно продолжает видеть состав преступления, и производство по уголовному делу продолжается.

Также зачастую возникает проблема отграничения получения взятки и коммерческого подкупа от мошенничества. Пленум Верховного Суда РФ в п. 24 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [17] указывает, что получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействие), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать как получение взятки либо коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие).

В том случае, если указанное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп.

Потому ошибочно квалифицировать как мошенничество случаи, когда лицо берет денежные средства у другого лица для передачи их должностному лицу за совершение определенных действий (бездействий) в пользу взяткодателя, однако должностное лицо не выполняет эти требования, взяткодатель начинает требовать у лица, которому были переданы денежные средства, их возврата, а это лицо не может их вернуть по ряду обстоятельств, например в связи с тем, что они были переданы должностному лицу. При этом должностное лицо не исполнило тех действий, которые должно было выполнить, хотя и намеревалось их совершить.

Так, А. передала денежные средства К. для передачи их далее должностному лицу с целью получения права на управление транспортным средством без процедуры сдачи экзамена. Однако в процессе оформления права на управление транспортным средством были обнаружены недостатки в документах, предоставленных А. Должностное лицо обратилось к К. с просьбой связаться с А., чтобы последняя передала недостающий комплект документов. А. решила отказаться от получения таким образом права на управление транспортным средством и стала требовать у К. возврата уплаченных денежных средств, которые он уже передал должностному лицу. К. отказался возвращать данные денежные средства, в связи с чем А. обратилась в правоохранительные органы с заявлением о совершении К. мошенничества.

В данной ситуации очевидно, что К. является посредником в получении взятки, но не мошенником, поэтому правоохранительные органы неправильно квалифицировали содеянное К. по ст. 159 УК РФ.

Еще один показательный пример. Б., являясь знакомым С., зная, что она мечтает о продвижении по карьерной лестнице, пообещал за десять миллионов рублей помочь ей получить искомую должность. Всей суммы у С. не было, и она стала просить недостающую сумму у своей подруги Е. Причем занимала якобы не для себя, а объясняла, что проблемы возникли у ее знакомого Б., ему нужны деньги, а она, С., выступает гарантом того, что сумму займа Б. вернет в оговоренный срок. После длительных уговоров Е. согласилась занять денежные средства для Б., не зная его лично, а лишь по рассказам С. Денежные средства, по мнению Е., она передавала С., которую и считала ответственной за возврат денежных средств. Последняя ее в этом мнении поддерживала. Поскольку С. обращалась к Е., с которой дружила много лет, Е. доверяла С., никакого оформления передачи денежных средств не осуществляли.

Е. денежные средства к указанному сроку собрала, передала в руки С., которая вместе с Б. приехала к ней за деньгами, уверив Е., что все будет возвращено к сроку.

В указанный срок денежные средства Е. возвращены не были, С. должность также не получила – Б. с деньгами скрылся. Е. также не получила гарантированной С. к возвращению суммы. На все требования Е., адресованные С. о возврате денежных средств, отвечала, что у нее денег нет, ее тоже обманули.

С. обратилась в правоохранительные органы с заявлением о том, что она передала Б. сумму 10 000 000 руб. для устройства на должность, однако Б. не выполнил обещание и скрылся. Данное заявление содержит безусловное указание на то, что Б. совершил деяние, обладающее признаками мошенничества, а С. — покушение на дачу взятки. Поскольку Б. обманул С., завладев денежными средствами, частично принадлежащими С., а частично — Е., а С. обманула Е., завладев ее денежными средствами, налицо признаки мошенничества, совершенного группой лиц в особо крупном размере, и обязательно выделение в самостоятельное производство покушение на дачу взятки.

Как ошибку в правоприменительной практике стоит расценивать и ситуацию, когда мошенничество маскируется гражданско-правовыми отношениями [18, с. 206–207]. В данном случае необходимо выяснять наличие умысла именно на неправомерное завладение чужим имуществом, что может быть реализовано лишь грамотными следственными действиями.

Проведенный анализ ошибок, допускаемых правоприменительными органами при квалификации хищений, позволяет констатировать, что практические работники не всегда верно оценивают всю совокупность обстоятельств дела, а потому допускают неточности при уголовно-правовой оценке совершенных деяний.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование ошибок, допускаемых правоприменителями при квалификации хищений, позволяет прийти к выводу, что практические работники в своей деятельности не всегда верно учитывают существующие теоретические наработки и разъяснения, даваемые Верховным Судом РФ, отчего возникают ошибки при квалификации различных форм хищений, в частности связанные с установлением момента окончания хищения, признаков, характеризующих субъективную сторону хищения, отграничения различных форм хищения друг от друга, а также от смежных преступлений. Как ошибку в правоприменительной практике следует рассматривать и ситуации, когда мошенничество маскируется гражданско-правовыми отношениями.

Для преодоления указанных проблем правоприменителям следует более тщательно проводить расследование конкретных преступлений, что может быть реализовано лишь верными следственными действиями, а также учитывать существующие положения теории и постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Это может быть достигнуто следующими методами:

- повышение уровня профессиональной подготовки следователей и судей;
- периодический контроль за уровнем квалификации практических работников;
- проведение периодических курсов повышения квалификации, тренингов, семинаров для практических работников с участием научных работников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Состояние преступности — январь – декабрь 2014 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/2994866/>
2. Состояние преступности — январь – декабрь 2015 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/7087734/>
3. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2016 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf
4. Состояние преступности в России. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf>
5. Состояние преступности за январь – ноябрь 2017 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/11830347>
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 г. // URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092>
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2019 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16945572/>
8. Статистика уголовного судопроизводства. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>
9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
11. Ермакова О. В. Проблемы квалификации хищения, связанные с установлением момента окончания преступления // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 2 (25). С. 81–83.
12. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М. : КОНТРАКТ, 2015. 912 с.
13. Яни П. С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12 (974). С. 43–47.
14. Гавриленков С. А. Некоторые вопросы квалификации хищений по субъективным признакам // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 255–263.
15. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 691 с.
16. Сверчков В. В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства. М. : Юрайт, 2019. 210 с.
17. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 3 декабря 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
18. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2019. 371 с.

REFERENCES

1. *The state of crime — January – December 2014*. (In Russ.). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/2994866/>
2. *The state of crime — January – December 2015*. (In Russ.). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/7087734/>
3. *A criminality condition in Russia for January – December 2016*. (In Russ.). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf
4. *Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January — December 2018*. (In Russ.). URL: <https://MIA.RF/reports/item/16053092>
5. *State of crime in Russia*. (In Russ.). URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf>
6. *The crime status for January – November 2017*. (In Russ.). URL: <https://мвд.рф/reports/item/11830347>
7. *Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – April 2019*. (In Russ.). URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16945572/>
8. *Statistics of criminal proceedings*. (In Russ.). URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>
9. On the court practice in the cases of theft, robbery and brigandage: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002 No. 29 (as amended on May 16, 2017). *Bulletin of the Supreme Court*, 2003, no. 2. (In Russ.).
10. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: resolution of the Plenum of the Supreme Court of November 30, 2017 No. 48. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2018, no. 2. (In Russ.).
11. Ermakova O. V. Problems of qualification of theft associated with the establishment of the end of the crime. *Bulletin of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2013, no. 2, pp. 81–83. (In Russ.).
12. Konyakhin V. P., Prokhorova M. L. (eds.). *Russian criminal law. The special part*. Moscow, CONTRACT Publ., 2015. 912 p. (In Russ.).
13. Jani P. S. Qualification of thieves: the moment of finishing, gratuitousness, damage. *Legitimacy*, 2015, no. 12, pp. 43–47. (In Russ.).
14. Gavrilencov S. A. Some questions of qualification of thefts on subjective signs. *Actual issues of modern science*, 2010, no. 15, pp. 255–263. (In Russ.).
15. Kozachenko I. Ya., Novoselov G. P. *Criminal law. Special part*. In 2 volumes. Vol. 1. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2016. 691 p. (In Russ.).

16. Sverchkov V. V. *Crimes against property: system, legal characteristic, features and problems of application of criminal legislation*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 210 p. (In Russ.).

17. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 3, 2013). *Bulletin of The Supreme Court of the Russian Federation*, 2013, no. 9. (In Russ.).

18. Lebedev V. M. (eds.). *Comment to the Criminal code in 4 v. Vol. 2. Special part. Sections VII–VIII*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 371 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Елец Е. А., Князькина А. К. Некоторые проблемы квалификации хищений (на основе анализа правоприменительной практики) // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 255–260. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.307.

For citation: Elets E. A., Knyazkina A. K. Some issues of stealing qualification (based on the analysis of law enforcement practice). *Business. Education. Law*, 2019, no. 3, pp. 255–260. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.307.

УДК 343.114
ББК 67.410.2+67.3

DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.356

Kartashov Igor Igorevich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Central Branch
of the Russian State University of Justice,
Voronezh,
e-mail: iik_vrn@mail.ru

Карташов Игорь Игоревич,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Центральный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Воронеж,
e-mail: iik_vrn@mail.ru

Mamizhev Nalbiy Nurievich,
Student of the Master's program,
Central Branch
of the Russian State University of Justice,
Voronezh,
e-mail: nalbiy.mamizhev@mail.ru

Мамижев Нальбий Нуриевич,
магистрант,
Центральный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Воронеж,
e-mail: nalbiy.mamizhev@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF APPELLATE PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA BEFORE 1917

12.00.09 – Уголовный процесс

12.00.09 – Criminal process

В статье рассматривается ретроспектива становления института пересмотра судебных решений по уголовным делам, не вступивших в законную силу, с точки зрения преемственности современного этапа реформирования уголовно-процессуального закона российской правовой традиции. Авторы анализируют утратившие силу нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок производства по уголовным делам в суде апелляционной инстанции. Рассмотрены принципы построения судебной системы в дореволюционной России.

Проведенный анализ исторической ретроспективы становления и развития апелляционного производства в российском уголовно-процессуальном законодательстве до 1917 г. позволяет констатировать, что этот период может детерминироваться как формообразующий, поскольку апелляционная инстанция впервые была введена в систему уголовного судопроизводства. Причинами таких изменений, по мнению авторов, явились, с одной стороны, принципиальные изменения формы уголовного судопроизводства, эволюционировавшего от инквизиционного

к состязательному, а с другой, — существенное расширение прав сторон в части обжалования судебных решений. На рассматриваемом этапе впервые на законодательном уровне были сформулированы предмет и пределы прав суда второй инстанции, выстроена система апелляционных судов, регламентированы основные процессуальные правила судебного рассмотрения дела, основания отмены и изменения решений мировых судей.

По мнению авторов, изучение процессов становления и реорганизации апелляционного производства в уголовном процессе России позволяет не только проанализировать эволюцию его содержания, но и критически осмыслить современное уголовно-процессуальное законодательство, спрогнозировать тенденции его развития, а также сформулировать предложения по дальнейшему совершенствованию построения и функционирования системы органов правосудия.

The article examines the historical retrospective of establishment of the institute of review judicial decisions of the criminal cases that have not entered into force,